

отстаивает интересы России на мировой арене в противоборстве с развитыми западными государствами.

Д. Р. Ярченко
УрГУ им. А. М. Горького

ТЕЛО КАК МЕРА ЕДИНСТВА ЛИЧНОСТИ

Еще в глубоком детстве каждый из нас сталкивается с удивительным в своей парадоксальности явлением, потрясающим до глубины души. Устойчивый психический образ собственного Я не совпадает с внешней формой телесности человека. Глядя в зеркало, мы обнаруживаем разлад между внутренним самоощущением и видимым отражением. Судя по всему, именно отсюда проистекает представление о подлинном существовании личности.

Идсализированный интроецированный образ отражает свободу индивидуального творчества, почти всегда прекрасен и приятен. Тело же «навязчиво», «своевольно», оно воплощает объективную необходимость и в этом смысле носит всегда до известной степени насильственный характер. Неудивителен поэтому тот факт, что на протяжении долгой истории мировой цивилизации не было ни одной культуры, которая бы не выработала ряд негативных коннотаций последнего. Таким образом формируется и воспроизводится универсальная для всякого нормативного сознания оппозиция сущего и должного, реального и идеального, наличного и возможного. Именно опыт столкновения индивида со своей телесностью задает феноменологическое основание восприятия иного, следовательно, Другого, то есть очерчивает пространство культуры как социальности – механизма противопоставления себя миру. Такова фундаментальная онтологическая функция нашего тела.

Однако для обычного человека все эти сложные слова – лишь пустые философские абстракции. Ему гораздо важнее чисто практический аспект привычной жизни. Как совладать с собственным телом? Вот вопрос, имеющий решающее значение (правда, он, по необходимости, ставится собственно философским образом, только речь идет не о спекулятивном умозрении, но об экзистенциальном философствовании, реализуемом в той или иной мере каждым из нас). Будучи по природе своей существом, стремящимся к

абсолютной гармонии, антропос вынужден выстраивать модели отношения личного тела, души и других тел. Иными словами, мы ищем внутреннего психического равновесия за счет сомы, пытаемся разглядеть глубину на поверхности, погрузиться в безграничное посредством конечного, иначе говоря – схватить собственную экзистенцию. И это вызывает боль. Большого абсурда представить себе нельзя, хотя он и придает смысл человеческой жизни.

С другой стороны, тело является одним из ключевых индикаторов самости. Оно есть «способ» индивидуальной идентификации, конституирует идею о том, что принадлежит только одному, но не всем. Как раз благодаря ему у нас рождается образ свободы как уникальности, неповторимости, аутентичности.

Подобная многосложность и неоднозначность восприятия личностью своей телесности выступает продуктивным двигателем живого опыта деятельного становления. Потому что телесные практики очерчивают область возможного как подлежащего освоению. Мы не привыкли оставлять обнаруженные однажды апории – слишком уж тревожны они в своей молчаливости. Остановимся хотя бы на мгновение, и нас уничтожит неопределенность. А тело и есть граница, провокация преодоления, презумпция ущербности повседневного покоя.

Чем же мы можем облегчить свое положение? За всю историю человечества было найдено, судя по всему, только три варианта ответа на поставленный вопрос. Первый предлагает путь так называемого духовного эскапизма. Тело в этом случае объявляется врагом номер один, препятствующим метафизическому росту личности. А дух именуется высшей ценностью.

Другое движение связано с принципом гедонизма, когда расстановка приоритетов изменяется и провозглашается примат материальной оболочки человека над сверхчувственной. При этом вся наша деятельность строится в соответствии с эмпирическими нуждами.

Обе указанные позиции представляют собой крайности, разрывающие хрупкое единство материального и духовного миров. Но с древних времен человеку известен третий способ самоорганизации. Это средний путь, выражением которого становится древнегреческое понятие меры. Он подразумевает гармоничное сочетание тела и души. Одно здесь превращается в продолжение другого, не занимая его места. Античные мыслители

прекрасно понимали, что тело – только мера реализации потребностей души, и наоборот. В той или иной степени этот подход воспроизводился в различные эпохи. А сегодня, в эру «новой архаики», информационный век, когда происходит смешение привычных граней большинства сфер нашей жизни и так не хватает интуиции порядка, чувства меры, ощущения целостности воспринимаемого мира, он видится единственно адекватным задаче разрешения такой многосложности.

«Дано мне тело – что мне делать с ним..?» [1. С. 166]. Этот вопрос возникает у каждого из нас еще в глубоком детстве. Поразительно простой ответ мы получаем тогда же, но с течением времени забываем за его самоочевидностью. Ведь если все гениальное просто, а подлинная простота – чисто детская привилегия, то великие открытия (в том числе и в области самопознания личности) есть лишь томительное припоминание давно утраченного знания. Именно дети, обладающие тонким чувством природы человеческой, и философы, претендующие на ее понимание, легко справляются с данной задачей.

Что же делать с телом? Понимать его как возможную меру гармонии целостной личности, а значит – залог нашего счастья...

Примечания

1. *Мандельштам О.* Дано мне тело – что мне делать с ним? // Лирика Серебряного века. Екатеринбург, 2006.

2. *Шелер М.* Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии. М., 1988.

Л. Ю. Ятлук
УрГУ им. А. М. Горького

КАК ВОЗМОЖНА ЦЕЛОСТНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ СЕГОДНЯ

В современную эпоху, когда общество начинает пониматься уже не как некая структура, насаждаемая людям, а как нечто творимое самими людьми, становится актуальным исследование того, как вообще можно говорить о таком обществе, как возможно его исследовать. Многими авторами как за рубежом (А. Голднер,